

Моника Маккарти
Суровая нежность
Серия «Стража Нагорья», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7906726
Суровая нежность: роман : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081269-1

Аннотация

Магнуса Маккея прозвали Святым, ведь этот гордый, суровый и отважный горец, о котором мечтали многие девушки, казалось, дал обет безбрачия. Никто и не подозревал, что внешняя холодность Маккея скрывает горькую обиду и неразделенную любовь к прекрасной Хелен, которая стала женой его лучшего друга...

Однако чувства Магнуса к рыжеволосой красавице были взаимны, но ей пришлось пожертвовать своим счастьем ради спасения семьи. И теперь Хелен, вновь обретая свободу, намерена бороться за свою единственную любовь...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	47
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Моника Маккарти

Суровая нежность

Роман

Пролог

*Замок Инвербреки, Росс, Шотландское нагорье
Август 1305 года*

Магнус Маккей уловил движение противника краем своего распухшего глаза, но было уже поздно. Ему не удалось вовремя вскинуть щит, и военный молот со всей своей сокрушающей силой врезался ему в левый бок. Магнус отлетел и брякнулся оземь. Снова. И в этот раз по меньшей мере с несколькими сломанными ребрами.

Сквозь стон боли он услышал коллективный вздох толпы, потом она застыла в тревожном безмолвии, пока все ждали его следующего движения. Если таковое последует.

Широкая тень упала на него, закрыв яркий солнечный свет. Он вскинул глаза на угрожающее лицо своего врага.

– Ну, довольно с тебя? – с издевкой спросил оруженосец Сазерленда.

Каждая клеточка кричала, что да, довольно. Все тело Магнуса адски болело, было покрыто синяками, ссадинами. Избит он был до кровавого месива, но сдаваться не собирался. Не в этот раз. Пять лет он терпел поражение от рук Дональда Монро, чемпиона Сазерлендов. Но не сегодня. Сегодня победа слишком важна.

Магнус выплюнул землю изо рта, стер кровь и пот с глаз и стиснул зубы от боли, с трудом поднимаясь на ноги. Он покачнулся, но одним лишь усилием воли выпрямился и тряхнул головой, прогоняя искры из глаз.

– Не дождешься.

Послышались одобрительные крики толпы. Вернее, половины толпы. Как и вся остальная Шотландия, кланы, собравшиеся смотреть Игры горцев, были разделены. Однако сегодня они делились не на сторонников Джона Комина и Роберта Брюса (хотя тут присутствовали оба претендента на шотландский трон), а представляли стороны еще более древней и кровавой вражды: Маккеев и Сазерлендов.

– Упрямый щенок, – хмыкнул его противник.

Нельзя сказать, что Магнус был с этим не согласен. Он взял щит в одну руку, молот в другую и приготовился к следующему удару.

И тот не замедлил последовать. Потом еще и еще. Целый град. Монро был беспощаден.

Но и Магнус тоже. Каждый раз, когда свирепый витязь сбивал его с ног, он поднимался, отказываясь сдаваться. Будь он проклят, если опять уступит первенство этому хвостуну.

Родич Сазерлендов был бельмом у него на глазу с тех пор, как пять лет назад Магнус впервые принял участие в играх. Ему было всего восемнадцать, и одолеть прославленного чемпиона, на пять лет старше и уже в расцвете мужской силы, казалось непосильной задачей.

Тогда.

Но Магнус больше не юнец. За последний год он здорово окреп, возмужал и нарастил гору мышц. К тому же, будучи на несколько дюймов выше шести футов Монро, имел преимущество в росте. Так что чаша весов уже не была такой неуравновешенной.

Он уже хорошо показал себя на этих играх: выиграл состязание в беге и схватку с мечами – хотя лучший воин Нагорья Тор Макклауд отсутствовал – и занял призовые места в

других соревнованиях, за исключением плавания, чего и следовало ожидать. Магнус родом с гор Северной Шотландии, а в водных состязаниях господствуют островитяне.

Но этот бой Магнус должен выиграть. В битве с молотами пальма первенства всегда принадлежала Монро. Он держал ее почти десять лет. Это была его гордость и его господство. Посему сбить корону с головы его Немезиды и завоевать победу для клана Маккеев было еще более престижно. Ненависть между двумя кланами пустила глубокие корни, но спесивая надменность Монро сделала ее личной.

Но отнюдь не одна лишь ненависть и клановая гордость подогревали решимость Магнуса победить. Он остро сознавал устремленный на него взгляд одной пары глаз. Больших, прозрачно-голубых глаз. Хелен. Девушка – нет, женщина, – на которой он намерен жениться. Мысль проиграть Монро перед ней...

Он не может. И, черт побери, не проиграет. Как иначе он будет просить ее выйти за мужчину, который оказался вторым?

Магнус отразил щитом еще один мощный удар, сжимая и разжимая мышцы, дабы перенести встряску. Стиснув зубы от жгучей боли в боку, он принял на щит весь вес наступательной силы своего противника и сумел нанести ответный размашистый удар молотом. Монро вывернулся, но удар, нанесенный Магнусом ему в плечо, оказался отнюдь не скользким.

Это была первая попытка. Выражение ненависти на лице противника не могло замаскировать его тревоги. Монро начал уставать. Яростные атаки и многократные махи тяжелым оружием сделали свое дело.

Вот она, та благоприятная возможность, которой он ждал.

Магнус учуял запах того, что оживило его тело, как ничто другое: победа. С внезапным, необъяснимым выбросом силы из самих недр его решимости он перешел в наступление. Колотя молотом и выбрасывая вперед щит, он оттеснил своего удивленного противника назад.

Монро споткнулся, и Магнус воспользовался шансом, подцепил его ногой за лодыжку и повалил на землю. Упершись коленями в грудь врага, он прижал щит к его горлу и поднял молот высоко над головой.

– Сдавайся, – процедил он сквозь зубы, и это слово разнеслось по притихшей арене. Толпа, потрясенная таким внезапным коренным поворотом в битве, словно онемела.

Монро пытался сопротивляться, но Магнус был начеку. Он еще сильнее вдавил край щита в шею противника, перекрывая ему воздух.

– Сдавайся, – повторил он. Жестокость битвы не прошла даром: ярость бурлила у него в жилах. Порыв прикончить врага разыграл у него в душе. Но это ведь Игры горцев, а не смертельные бои гладиаторов.

Однако несколько затянувшихся мгновений казалось, что все может обернуться смертоубийством. Монро упорно не желал сдаваться, а Магнус не собирался отпускать его, пока тот не попросит пощады. Несмотря на временное перемирие игр, ненависть, бушующая между двумя гордыми горцами, грозила его нарушить.

К счастью, решение было принято за них.

– Победа Маккею, – прозвучал мужской голос. Этот вердикт вынес барон Иннес. Владелец крепости Инвербреки и хозяин этих игр.

Болельщики возликовали. Магнус опустил молот, убрал щит и отпустил Монро. Поднявшись, он широко раскинул руки, купаясь в одобрительных возгласах и наслаждаясь восторгом победы.

Он сделал это. Он выиграл. Хелен, где ты?

Вокруг него собралась небольшая толпа. Отец, младшие братья и сестры, друзья и довольно много хороших девушек.

Но среди них не было той, которую он больше всего хотел видеть. Хелен не могла подойти к нему. И как бы ни не терпелось ему увидеть ее сейчас, он не осмеливался искать ее взгляда.

Ибо девушка, на которой он намерен жениться, носила имя Хелен Сазерленд из Морей. Это была дочь их заклятого врага графа Сазерленда.

Слава тебе, Господи, что это закончилось! Хелен боялась, что не выдержит больше ни минуты. Сидеть тут и смотреть, как Магнуса избивают до полусмерти, и делать вид, что ей все равно, быть вынужденной сдерживать каждое вздрагивание, каждый вскрик ужаса, каждую нашептываемую молитву, чтобы он не поднялся, в то время как мужчина, который ей как брат, сбивает его с ног, было сущей пыткой.

Магнус слишком уж упорный. Упрямец несчастный, не понимает, когда лучше сдаться. Она убьет его за то, что он подверг ее этаким мучениям. Ведь знает, что она не получает удовольствия от жестоких состязаний во время Игр горцев – зачем мужчины избивают друг друга, ей никогда не понять. Наверное, у них в крови это настойчивое желание быть первым.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

Хелен сделала попытку вернуть сердце на место, но оно, похоже, навечно поселилось в горле. Она молча повернулась к брату.

Озабоченный взгляд Кеннета скользнул по ее лицу, потом опустился на руки, все еще крепко стискивающие мягкую шерсть юбки.

– На тебе лица нет. Мне показалось, ты вот-вот лишишься чувств.

Пульс ее участился. Брат слишком наблюдателен. Еще бы ей не волноваться, но нельзя позволить ему заподозрить причину этого волнения. Брат терпеть не может Маккеев, а Магнуса больше всех. Они примерно одного возраста, но Магнус побеждал его в состязаниях с самого детства. Если Кеннет узнает о них...

Он не узнает. Не должен узнать. Если ему станет известно, что она водит дружбу с врагом, это будет катастрофа. Сазерленды ненавидят Маккеев. Маккеи ненавидят Сазерлендов. Таков порядок вещей. Но не для нее.

– Я не ожидала, что это будет так... жестоко, – сказала она, и это была правда. Потом запоздало вспомнила о семейной преданности. – И конечно, я разочарована.

Кеннет подозрительно оглядел ее, словно не до конца поверил, что дело только в этом. Он слишком хорошо ее знает. Хелен затаила дыхание, но тут толпа снова заревела и отвлекла его. Лицо его потемнело при виде бурной радости Маккеев.

– Не могу поверить, что он выиграл. – Кеннет покачал головой. – Отец будет в ярости. Иного рода тревога пронзила ее.

– Может, лучше не говорить ему? По крайней мере пока. Зачем спешить?

Кеннет встретился с ней глазами, лицо его тут же помрачнело.

– С ним все так плохо?

– Он поправится, – твердо проговорила она, уверяя не только брата, но и себя. Ну конечно, поправится. По-другому и быть не может. – Но мне не хотелось бы отвлекать его. Ему нужны силы, чтобы бороться с недугом.

Но каждый раз, когда приступ легочной болезни возвращался, отцу становилось все хуже. Наверное, ей не следовало приезжать, но Магнус взял с нее обещание. А мысль, чтобы не видеть его еще целый год, когда над ними нависла угроза войны...

Она не могла не приехать.

Это всего лишь неделя. Неделю отец прекрасно обойдется без нее. Она оставила точные указания Бет, служанке, помогающей ей ухаживать за отцом, и Мюриел обещала навещать его. Это ведь Мюриел научила Хелен всему, что она знает о лечении.

В глазах Кеннета промелькнули озабоченность и страх. Брат встревоженно взглянул на Хелен.

– Тогда, пожалуй, ты права, лучше его не расстраивать. – Он взял ее за локоть и кивнул в сторону поверженного чемпиона. – Идем, тебе надо позаботиться о Монро. Хотя, похоже, тут больше пострадала его гордость. – Кривая улыбка тронула его губы. – Возможно, в нем проснется что-нибудь человеческое.

Брат не выглядел слишком расстроенным проигрышем Дональда, и Хелен это не удивляло. Чересчур много поражений потерпел он от рук их чемпиона, и Дональд любил напоминать ему о каждом. Время Кеннета еще придет, как пришло сегодня время Магнуса. Но она понимала, как нелегко это для ее гордого брата, которому не терпится выйти из их тени и показать себя настоящим мужчиной.

Как только Кеннет отвернулся, Хелен украдкой бросила последний взгляд в сторону Магнуса. Но он был окружен со всех сторон одобрительно гудящей толпой болельщиков и, без сомнения, позабыл о дочери своего врага.

Она вздохнула. Скоро за ним будут бегать толпы юных красавиц, как за Грегором Макгрегором и Робби Бойдом. Прославленный лучник с лицом Аполлона и сильнейший мужчина Шотландии были возведены на играх чуть ли не в ранг богов и имели по свите восторженных девиц, с влюбленными глазами следящих за каждым их жестом.

Она последовала за братом и постаралась сделать вид, что все происходящее ее не волнует. Но это было неправдой. В душе поселилась ревность, но лишь к той свободе, с которой эти девушки могли разговаривать с Магнусом на людях, а не к ним самим. Хотя пышногрудая блондинка, повисшая у него на руке, была довольно хорошенькая, вспомнила она с внезапным болезненным уколом где-то в области сердца.

Ну стоит ли все так усложнять? Хелен вспомнила недавнее прошлое.

Поначалу она не задумываясь незаметно ускользала, чтобы встретиться с ним. Вражда не имела для нее значения. Единственное, о чем она думала, – это что он ей нравится. Что впервые она встретила того, кто, кажется, ее понимает.

Когда она с ним, то чувствует себя какой-то особенной, не такой, как все. Ему нет дела, что она не любит шить или играть на лютне. Что проводит больше времени в хлеве, чем в церкви. Что наблюдать за рождением животных для нее не по-женски увлекательно. Он считает забавным, когда она указывает отцу Джералду, что кровопускание вряд ли оправданно с медицинской точки зрения, если его единственный результат – слабость и бледность пациента. Его не волнует, что она предпочитает носить простой шерстяной кетль, а не модные затейливые платья. Он даже смеялся, когда как-то по весне она решила подрезать волосы, потому что они все время лезли ей в глаза.

Но ограничения, накладываемые враждой, начали ее со временем раздражать. Украденных минут в течение игр раз в год и, если повезет, парочки тайных встреч стало недостаточно. Ей хотелось большего. Она мечтала сама стоять рядом с Магнусом вместо всех этих девиц, и чтоб он улыбался ей своей неотразимой улыбкой, от которой у нее внутри все тает.

Если тихий голосок у нее в голове, похожий на отцовский, вопрошал: «Может, стоило подумать об этом с самого начала, Хелен, девочка?» – она унимала его. Все будет хорошо. Они как-нибудь все устроят.

Ведь она любит его, а он любит ее.

Хелен нервно покусала нижнюю губу. Она почти уверена в этом. Он ведь поцеловал ее, верно? И не важно, что он только чуть коснулся губ и сердце ее перестало биться в груди, когда он резко отстранил ее от себя.

В глубине души она знала, что его чувства так же глубоки и горячи, как и ее. И несмотря на опасность, невзирая на то, что родные сочтут ее поступки предательством, она не может

расстаться с Магнусом. Это глупо, невозможно. Но так волнующе! Такой свободной, как с Магнусом, она никогда и ни с кем себя не чувствовала.

Как же можно не ценить то, что возникло между ними, и не держаться за это крепко-крепко? Как сказал древнеримский поэт Гораций: «Лови момент и не думай о будущем». Может, она была и не слишком хорошей ученицей, когда отец приводил для нее наставников, но эти слова врезались ей в память.

Казалось, прошла целая вечность, пока она занималась ранами Дональда, если не его уязвленной гордостью, но при первой же возможности она улизнула и ждала, когда Магнус найдет ее. Много времени ему не потребовалось. Обычно эта игра в прятки забавляла ее, но сейчас ей не терпелось увидеть его, поэтому она облегчила ему задачу.

Хруст ветки был единственным предупреждением, прежде чем две большие руки обхватили ее сзади за талию и рывком стащили на землю.

Она тихонько ойкнула, когда спина столкнулась с твердыней его груди. Щеки горячо запылали. Святители небесные, какой же он сильный! Стройное, сухощавое тело теперь обросло слоями твердой, стальной мускулатуры. Перемены в нем не прошли незамеченными, и, будучи так интимно прижатой к этому мускулистому торсу, она ощутила, как какое-то странное тепло растеклось по ней, и чувственный трепет пробежал внизу живота. Сердечко учащенно забилося.

Он развернул ее лицом к себе.

– Я думал, мы договорились: больше никакого лазанья по деревьям.

Договорились? Уж скорее, это был приказ. Она сморщила нос. Порой он умудряется быть таким же самонадеянным и чересчур покровительственным, как и ее братья. «Ах, Хелен, – говорят они со снисходительным вздохом, ероша ее рыжие волосы, словно в них все дело. – Ну, что ты натворила на этот раз?» Они желают ей добра, но никогда не понимали ее так, как понимает Магнус.

Хелен ахнула, подняв глаза на знакомое красивое лицо. По-мужски резкие правильные черты сейчас посинели и распухли почти до неузнаваемости. Он умылся и сделал попытку позаботиться о своих ранах, но никакая вода не могла смыть огромный багрово-фиолетовый синяк на подбородке, разбитую губу, сломанный нос и большой порез возле глаза. Она легонько обвела его пальцами, видя, что кто-то уже поухаживал за ним.

– Очень больно?

Он покачал головой, поймал ее руку в свою и отвел в сторону.

– Терпимо.

– Лжец. – Хелен оттолкнула его и, услышав, как он охнул от боли, сообразила, что забыла про его ребра. Она уперла руки в бока. – Но ты это заслужил после того, что тут происходило.

Он озадаченно нахмурился.

– Я победил.

– Плевать мне, что ты победил, он же чуть не убил тебя!

Он сложил руки на груди с саркастической ухмылкой на лице. На секунду взгляд ее задержался на вздувшихся мускулах рук. В последнее время она, похоже, постоянно замечает подобные вещи в самые неподходящие моменты. Это ее смущает. И это расстраивает, поскольку с самого начала ей всегда было покойно рядом с ним.

– Но не убил же, – сказал он.

Надменность этого заявления отвлекла ее от появления несвоевременных мыслей. Она сузила глаза. Ох уж эти мужчины со своей вечной гордостью. Вернее, ох уж эти горцы со своей гордостью. Это особое племя гордецов и упрямец. Единственное на земле.

– Вижу, ты ужасно доволен собой.

Он нахмурился.

– А ты разве мной недовольна?

Хелен чуть не вскинула руки в отчаянии.

– Конечно, я тобой горжусь.

Хмурая складка у него между бровей стала еще глубже.

– Тогда чего такая расстроенная?

Интересно, мужчины все такие тупые?

– Потому что мне не нравится видеть тебя избитым. Еле живым...

Он снова ухмыльнулся и поймал ее за талию, когда она попыталась отскочить от него. Это был игривый жест, он делал его много раз раньше, только сейчас все было как-то по-другому, когда он притянул ее к своему крепкому, сильному телу. Что-то горячее и опасное пронеслось в воздухе между ними.

Она ахнула от неожиданности, ощущая каждый дюйм его крепкой груди и ног, прижатых к ее ногам.

Он посмотрел на нее, и его теплые, золотисто-карие глаза потемнели.

– Но у меня же есть ты, чтоб заботиться обо мне, не так ли, мой ангел?

Сиплость его голоса отозвалась в ней трепетом. Мой ангел... Он называл ее так с самого первого дня их знакомства, но сегодня эти слова прозвучали по-другому. Она заморгала, удивленная произошедшей в нем переменой. Он никогда не вел себя с ней так, как сегодня. Это было волнующе и чуточку пугающе. Он мужчина. Воин. Победитель. Уже не тот высокий долговязый парень, с которым она когда-то познакомилась. И внезапно она остро ощутила это.

Хелен запрокинула голову, губы ее приоткрылись в некоем инстинктивном отклике. Она увидела плескавшееся в его глазах желание и глубоко вдохнула в предвкушении.

Сейчас он поцелует ее. Боже, сейчас он действительно ее поцелует.

Наконец-то!

Сердце молотом застучало в ушах, когда он опустил голову. Она почувствовала, как мускулы обнимающих ее рук напряглись. Ощутила громкий стук его сердца совсем рядом и страсть, бушующую внутри его. Колени ослабели от желания, окатившего волной плавящегося жара.

При первом прикосновении она вздохнула от удовольствия, ощутив мягкие губы, прижимающиеся к ее губам. Тепло со слабыми пряными нотками растеклось по ней, затопляя чем-то головокружительным.

Он целовал ее нежно, мягко лаская губы своими. Она прильнула к нему, бессознательно ища большего.

«Покажи, как сильно ты любишь меня». Ей хотелось вспышки страсти. Хотелось искренних заверений в любви. Хотелось всего, что может дать настоящее чувство.

Он издал какой-то сдавленный звук, и на минуту она испугалась, не слишком ли сдавила его поломанные ребра. Но потом кольцо обнимающих ее рук сжалось теснее. Рот затвердел, сильнее прижимаясь к ней. Его пряный привкус сделался более глубоким, более возбуждающим. Она почувствовала напряжение мускулов, ощутила мощь, бурлящую в нем, и тело ее растаяло в предвкушении. А потом он вдруг оцепенел и со стоном оторвал ее от себя.

Он отпустил ее так резко, что ей пришлось ухватиться за дерево, чтобы не упасть. Ноги стали как ватные и больше не держали ее.

Глаза ее расширились, потрясенные и чуть-чуть разочарованные. Неужели она сделала что-то не так?

Он пропустил сквозь пальцы свои шелковистые песочно-каштановые волосы.

– Выходи за меня замуж.

Хелен разинула рот от изумления.

– Ч-что?

Он удержал ее взгляд.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Это неожиданное предложение было так не похоже на него, что вначале она подумала, что он, должно быть, шутит. Но одного взгляда на его лицо оказалось достаточно, чтобы убедиться в обратном.

– Ты серьезно?

– Да.

– Но почему?

Он нахмурился. Было ясно, что не на такой ответ он надеялся.

– Я бы сказал, что это очевидно. Ты дорога мне.

Никакого «я тебя люблю». И «я не могу без тебя жить». И «я сгораю от страсти к тебе».

Хелен ощутила крошечный укол где-то в области сердца. Она твердила себе, что с ее стороны обижаться нелепо, разве не этого она хотела? Он сказал ей о своих чувствах, ну, пусть не так красиво и романтично, как она мечтала.

Но уж очень он сдержанный. Не холодный и бесчувственный, а скорее спокойный и уравновешенный. Невозмутимый. Твердый. Скала, а не вулкан. Но порой ей хотелось, чтобы он взорвался.

Когда она сразу не ответила, он добавил:

– Наверняка это не явилось для тебя неожиданностью?

Вообще-то явилось. Она закусила губу.

– Мы никогда не говорили о будущем. Быть может, потому, что оба старались не думать всерьез о наших чувствах, о том, что нас ждет.

Замужество. Это единственный выбор для женщины в ее положении. Тогда почему от одной мысли об этом ее сердце сжимает страх?

Но это же Магнус. Он понимает ее. Она любит его. Конечно же, она хочет выйти за него замуж.

Но то, о чем он просит, невозможно. Неужели он не понимает?

– Наши семьи никогда этого не позволят. Вражда.

– Я спрашиваю не наши семьи, я спрашиваю тебя. Бежим со мной.

Она резко втянула воздух. Тайный брак? Мысль показалась шокирующей, но и, следует признаться, странно привлекательной – и, несомненно, романтической. Куда они отправятся? Быть может, на континент? Как замечательно было бы путешествовать только вдвоем!

– А куда мы поедем?

Он удивленно посмотрел на нее.

– В Стратнавар. Отец вначале рассердится, конечно, но мама поймет. В конце концов он смиритя.

Северная Шотландия, не континент. Владения Маккеев в Кейтнесе, что граничит с Сазерлендом. Споры из-за земли между соседствующими кланами начались давным-давно и разжигают вражду по сей день.

– А где мы будем жить? – осторожно спросила Хелен.

– В замке Варрич с моей семьей. Когда я стану вождем, замок станет твоим.

Разумеется. Глупая, как она могла думать, что будет как-то иначе? Его мать – идеальная хозяйка замка. Естественно, он будет ждать того же и от нее. Легкие сдавило, а сердце заколотилось.

– Но почему сейчас? Почему нельзя подождать и посмотреть, как все обернется?

– Мне надоело ждать. Ничего не изменится. – Челюсть его окаменела, в глазах появился какой-то незнакомый стальной блеск. Терпение его явно заканчивалось. На какой-то миг ей даже показалось, что он может выйти из себя. Но Магнус никогда не теряет само-

обладания. Порой она даже сомневается, способен ли он вспылить. – Мне надоело прятаться, надоело, что не могу ни поговорить, ни даже посмотреть на тебя на людях. Тебе уже восемнадцать, Хелен. Далеко ли до того, когда твой отец найдет тебе мужа?

Хелен побледнела, понимая, что в сущности он прав. До сих пор она избегала помолвки потому, что отец болен и нуждается в ней.

Сердце ее остановилось. О Боже, кто же будет ухаживать за отцом? Она беспомощно взглянула на Магнуса. Серьезность предстоящего решения поколебала ее. Она любит его, но и родных своих тоже любит. Как же ей выбрать между ними?

Он, должно быть, уловил ее сомнения.

– Разве ты не видишь, что это единственный возможный путь? То, что есть между нами... – голос его дрогнул, – это нечто особенное. Разве ты не хочешь быть со мной?

– Конечно, хочу. Но мне нужно время.

– У нас нет времени, – резко бросил он, но при этом смотрел не на нее. Секунду спустя она поняла почему.

– Отойди от нее!

Сердце ее упало. Хелен обернулась и увидела коршуном несущегося к ним брата.

Магнус заметил, как кровь отхлынула от лица Хелен, и пожалел, что не может избавить ее от предстоящей безобразной сцены. Но это было неизбежно. Им еще повезло, что так долго удавалось скрывать свои отношения.

Хотя, если уж быть обнаруженными кем-то из ее семейства, он предпочел бы старшего брата Уильяма, наследника графства. Если он кого и не переваривал больше, чем Дональда Монро, так это Кеннета Сазерленда. Вдобавок к той же спесивости и злобной язвительности, как у Монро, Господь наградил его еще и горячим, взрывным нравом.

Магнус инстинктивно вышел вперед, загоразивая Хелен. Он знал, что они с братом близки, но не собирался рисковать. Сазерленд в лучшем случае непредсказуем, в худшем – безрассуден.

Магнус поймал кулак мужчины прежде, чем тот врезался ему в челюсть, и оттолкнул его назад.

– Это не твое дело, Сазерленд.

Ее братец снова налетел бы на него, но Хелен решительно шагнула между ними. Рядом с этим здоровенным олухом она выглядела маленькой, как ребенок. Голова ее едва доставала ему до середины груди. Но она не ребенок. Два долгих года Магнус ждал, когда ей исполнится восемнадцать. Он хотел ее с такой силой, что дышать не мог. Эту проказливую, взбалмошную девчонку с большими голубыми глазами, веснушчатый вздернутым носиком и дикой гривой медно-рыжих волос. Она не красавица в общепринятом смысле, но для него нет никого прекраснее.

– Пожалуйста, Кеннет, это не то, что ты думаешь.

Глаза Сазерленда метали молнии.

– Это именно то, что я думаю. Я еще на состязаниях понял, что что-то не так, но не хотел верить. – Взгляд его, встретившись со взглядом сестры, смягчился. – Господи помилуй, Маккей, Хелен? Самый заклятый враг нашего клана? Где же твоя преданность?

Хелен виновато вздрогнула, и Магнус чертыхнулся.

– Не вмешивай ее в это. Если хочешь выместить на ком-то свою злость, вымести ее на мне.

Глаза Сазерленда сузились.

– С радостью. – Он схватился за меч. – Мне доставит удовольствие покончить с тобой.

– Смелое заявление для человека, который ни разу не одолел меня ни в чем.

Сазерленд взревел от ярости. Хелен вскрикнула и кинулась на брата.

– Нет, прошу тебя, – слезы катились по ее щекам, – не делай этого. Я... я люблю его.

Магнус как раз протянул руку за своим мечом, но ее слова остановили его. Сердце молотом застучало в груди. Она любит его. Никогда раньше она этого не говорила, а после сегодняшнего разговора он уже не был так уверен. Тепло растеклось по нему. Что ж, он был прав. Они предназначены друг для друга. И она тоже это чувствует.

С нежностью, которой Магнус никак от него не ожидал, ее братец сказал:

– Ах, Хелен. – И ласково погладил по щеке. – Ты еще слишком молода, милая. Сама не знаешь, что говоришь. Конечно, ты думаешь, что влюблена в него. Тебе же только восемнадцать. В этом возрасте все девушки влюбляются.

Она горячо помотала головой:

– Это не так.

– Именно так, – сказал он. Если бы Магнус сам не видел, то ни за что бы не поверил, что Кеннет Сазерленд может быть таким – Боже упаси – нежным. Но возможно, это Хелен пробуждает в любом мужчине его лучшие чувства. Он просто не подозревал, что у Сазерленда они существуют. – Тебе нравится любить, – продолжал ее брат. – Бог неспроста выбрал днем твоего святого первое мая. Каждый день для тебя как Майский праздник. Но хорошо ли ты его знаешь? – Хелен закусила губу, и лицо Сазерленда потемнело. – Давно вы вот так встречаетесь?

Она вспыхнула, опустила глаза вниз. Видя, как ее мучает чувство вины, Магнус разозлился.

– Мы встретились на играх в Данотгаре, – вмешался он. – Случайно.

Кеннет резко развернулся к ней.

– Четыре года назад?

И чертыхнулся, когда Хелен кивнула.

– Ей-богу, если он обесчестил тебя, я подвешу его за яйца и собственноручно кастрирую...

– Он ничего плохого не сделал, – прервала брата Хелен и положила на него ладонь, сдерживая. Поразительно, но это, кажется, помогло. – Он обращался со мной с безупречной вежливостью.

Магнус нахмурился, услышав в ее голосе что-то странное. Это прозвучало почти разочарованно.

– Ты говори, да не заговаривайся, Сазерленд. Гнев твой оправдан, но я не позволю тебе подвергать сомнению честь твоей сестры или мою.

Пусть ему потребовалось все его самообладание до капли, но Магнус всего-навсего поцеловал Хелен. Он бы ни за что так не оскорбил девушку. Он подождет, когда они пожениятся, и уж потом даст себе волю. Сладкий вкус ее губ все еще преследовал его. Но его удерживала не только ее невинность, но и собственная неуверенность в том, что он сумеет контролировать себя.

Лицо Сазерленда помрачнело, словно он точно догадался, о чем Магнус думает.

– Скорее в аду замерзнет. – Он метнул в Магнуса взгляд, обещающий возмездие, и обнял сестру, словно защищая от чего-то мерзкого. – Идем, Хелен, мы уезжаем.

Хелен покачала головой и попыталась вырваться.

– Нет, я...

Она беспомощно взглянула на Магнуса. Его рот сжался. Стоит ей сказать только слово, и он заявит на нее свои права немедленно. Уж если он победил чемпиона Сазерлендов, то с ее братом и подавно справится.

Сазерленд прижался щекой к ее макушке, разговаривая с ней, как с ребенком.

– О чем ты думала, девочка? В твоих глазах столько солнечного света, что тебе кажется, он сияет так же ярко и для всех остальных. Но в этот раз счастливого конца не получится. Не думала же ты, что из этого что-нибудь выйдет?

С Магнуса было достаточно.

– Я попросил ее стать моей женой.

Физиономия Сазерленда так побагровела, что казалось, он сейчас лопнет от злости.

– Святители небесные! Ты, должно быть, рехнулся! Да она скорее выйдет замуж за самого старика Длинногого¹, чем за Маккея.

Рука Магнуса стиснула рукоятку меча. Плевать ему на вражду, ничто не встанет у него на пути.

– Я просил не тебя.

Взгляды обоих мужчин устремились на Хелен, чье бледное лицо было залито слезами, и это выглядело так неуместно. Хелен никогда не плакала, и то, что она плачет сейчас, говорило о ее глубоких страданиях. Она переводила взгляд с одного на другого. Магнус знал, что она любит брата, но ведь и его тоже любит. Она только что сама это сказала.

Магнус стиснул зубы, понимая, как ей сейчас тяжело. Он знал, о чем просит ее. Но она должна решить. Рано или поздно к этому все равно пришло бы.

Сазерленд не проявлял подобной сдержанности.

– Если ты выйдешь за него, это возобновит войну между нашими кланами.

– Не обязательно, – возразил Магнус. – Не надоело еще воевать? – Ему нравился Сазерленд не больше, чем он Сазерленду, но ради Хелен он сделает все возможное, дабы остановить вражду. Но вот его отец... тут у него уверенности не было.

Сазерленд продолжал, как будто Магнус ничего и не говорил:

– Ты отвернешься от своей семьи? От отца? Он ведь нуждается в тебе.

Голос его звучал так уверенно. Так чертовски рассудительно.

Ее полные слез глаза сделались огромными на бледном лице. Она умоляюще взглянула на Магнуса, и он все понял. Грудь его будто ожгло огнем.

– Прости, – прошептала она. – Я не могу...

Их глаза встретились. Он не хотел в это верить, но правда светилась в застывшем взгляде голубых глаз.

Иисусе. Внутренности скрутило. Он не мог поверить... Он думал...

Магнус оцепенел и быстро отвернулся, стараясь не шевелиться, чтобы не начать самым постыдным образом умолять. А ведь этого ему больше всего сейчас хотелось. Но у него есть своя гордость, черт побери все на свете. Хватит и того, что Сазерленд стал свидетелем того, как его отвергли.

Сазерленд заключил Хелен в объятия и погладил по волосам.

– Ну конечно, не можешь, милая. Маккей и не ждал, что ты на это согласишься. Только романтический дурак мог думать, что ты согласишься бежать с ним.

Магнус понял, что Сазерленд смеется над ним. Он стиснул кулаки, борясь с желанием стереть издевательскую ухмылку с рожи ублюдка.

Неужели он и вправду надеялся, что она убежит с ним?

Да, ждал именно этого, дурак несчастный. Ведь Хелен не похожа на других девушек. Она не связана условностями. Если б она любила его достаточно, ничто бы не остановило ее. Сознать это было тяжелее всего.

Он бы отказался от всего ради нее, если б только она попросила.

Но она не попросила.

На следующее утро он наблюдал, как снимаются шатры Сазерлендов. Они уезжали. Братья не собирались дать ей возможность передумать.

¹ Прозвище Эдуарда I.

Роберт Брюс, граф Каррик, и Нейл Кэмпбелл подошли к нему как раз в тот момент, когда Хелен покидала замок. Лицо ее было спрятано под капюшоном темной накидки, но он узнал бы ее повсюду.

Магнус лишь вполуха слушал их предложение, подробности о тайном отряде элитных воинов, формируемом Брюсом для защиты от англичан. Но Магнус был слишком поглощен Хелен. Слишком занят, глядя, как она покидает его.

«Обернись, молю тебя!» Но она не обернулась. Она выехала из ворот и исчезла в утреннем тумане, ни разу не посмотрев назад. Он смотрел до тех пор, пока последнее знамя Сазерлендов не исчезло из виду.

Брюс все еще что-то говорил. Он хотел, чтобы Магнус присоединился к его секретной армии. Это все, что ему требовалось услышать.

– Я согласен.

Он готов был на что угодно, лишь бы убраться поскорее подальше отсюда.

Глава 1

*Крепость Данстаффнэйдж
Декабрь 1308 года*

Он сможет, черт подери. Магнус выдерживает почти любую физическую пытку или боль. «Стойкий ублюдок», – говорят про него. Надо просто помнить об этом.

Он не сводил взгляда со своей тарелки, сосредоточившись на еде, а не на том, что происходило вокруг. Но ветчина с сыром, поданные на завтрак, застревали в глотке. Только эль шел легко. Но наверное, был недостаточно крепок, чтобы утихомирить бурю, бушующую у него в душе. Если б не раннее утро, он бы попросил виски.

Хотя, учитывая веселое настроение, царящее вокруг, он сомневался, что кто-нибудь заметил бы. Праздничная атмосфера поднималась к деревянным потолочным балкам, увешанным ароматными сосновыми ветками, отражалась от каменного пола, застеленного свежим камышом. Массивный Большой зал замка Данстаффнэйдж был освещен, как Белтейн², сотнями свечей и жарко пылающим огнем в очаге у него за спиной. Но тепло комнаты не проникало сквозь окружающий его ледяной панцирь.

– Если ты и дальше будешь смотреть так, словно убил бы кого-нибудь, нам придется сменить твоё прозвище.

Магнус повернулся к мужчине, сидящему за столом рядом с ним, и предостерегающе зыркнул на него. Лахлан Макруаири удивительно точно умел отыскать его слабое место. Недаром он получил военное прозвище – Змей, ибо жалил. Он один из всех воинов Горной стражи догадался о тайне Магнуса и никогда не упускал случая напомнить ему об этом.

– Да, – сказал Макруаири, покачав головой. – Вид у тебя решительно не святой. Разве тебе не полагается быть спокойным и рассудительным?

Во время тренировок Горной стражи Эрик Максорли, лучший моряк Западных островов, стал в шутку звать его Святым. В отличие от остальных Магнус не проводил вечера возле костра, обсуждая очередную бабенку, с которой хотел бы покувыркаться. И никогда не выходил из себя. Когда дело дошло до выбора военных прозвищ, дабы не быть опознанными, имечко Святой так и прилипло к нему.

– Отвали, Макруаири.

Непробиваемый ублюдок только улыбнулся.

– Мы уж и не знали, ждать ли тебя.

Магнус, сколько мог, откладывал приезд, вызываясь на любую миссию, лишь бы как можно дольше держаться подальше отсюда. Но он покинул Эдуарда Брюса, брата короля и новоиспеченного лорда Гэллоуэя, два дня назад, дабы присоединиться к остальным членам Горной стражи, собравшимся в замке Данстаффнэйдж на свадьбу одного из них. Свадьбу Уильяма Гордона, его лучшего друга и напарника, с Хелен Сазерленд.

«Моей Хелен».

Нет, не его. Она никогда не принадлежала ему. Он только думал, что принадлежала. Ему было приятно так думать.

Три года назад он присоединился к секретному отряду Брюса в попытке убежать от воспоминаний. Но судьба жестоко подшутила над ним. Вскоре после прибытия он узнал, что его новый напарник недавно обручился с Хелен. Сазерленды, не теряя времени, позаботились, чтоб она не изменила своего решения в отношении его. Магнус ожидал быстрой помолвки, только не предполагал, что она ударит его так больно.

² Праздник костров, отмечаемый первого мая.